

Языковые конвенции о понятии «сознание»

Кудашов В. И.

Заведующий кафедрой философии, доктор философских наук, профессор,
Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

СТЕНОГРАММА ДОКЛАДА

с самим докладом можно ознакомиться

<http://tube.sfu-kras.ru/video/2075?playlist=2074>

Я обозначу своё вступление как «Языковые конвенции о понятии сознание», для того, чтобы каким-то образом объединить тематику философии языка и философии сознания. Философия сознания достаточно хорошо укоренилась и закрепилась в российском философском пространстве, как определенная сфера исследования и как учебная дисциплина. Черты, которые я обозначил, вот здесь на слайде вы можете увидеть. Сама она выросла естественно из среднестатистического аналитического дискурса, но сегодня его переросла во многом, хотя, как мне кажется, и дальше, постараюсь это показать, необходим некий возврат к этому дискурсу, некоторое более пристальное внимание к языковым основаниям исследований сознания.

Что дал аналитический подход в решении различных проблем? Достаточно много позитивного: начиная от новых понятий, инструментов, очень интересных, изощренных иногда экспериментов, дистинкций, уточняющих понимание ментальных процессов, переформулировки проблем, которые активизировались в последние, наверное, лет 15-25. И практически все отмечают прочную и взаимовыгодную, на удивление, кстати говоря, для других отраслей философии, связь с когнитивными и нейрофизиологическими научными исследованиями.

Тот поток публикаций, который мы видим последние десятилетия, может рассматриваться не только как достижение, но и как некоторое затруднение, особенно для тех кто в эту проблематику вступает, для того чтобы хоть как-то разобраться в ней и определить для себя направление собственных исследований. Здесь речь идет о необходимости актуализации лингвистического анализа: базовых понятий, основных выражений, которые употребляются в связи со словосочетанием «философия сознания». И вот, собственно, идея конвенции, которую я в название вынес.

Уже в диалогах Платона подчеркивается мысль о том, что люди договариваются, соглашаясь, как им именовать каждую вещь, то есть сама идея конвенциональности языковых наименований не новая. Она не является прерогативой исключительно аналитической философии. Это, скажем так, классика. Противоположностью этой идеи о том, что все наши понятия конвенциональны, является идея онтологической значимости процедуры именования, когда само имя принимается как сущее наряду с вещью. Тоже достаточно давно в европейской философии это направление развивается. Здесь я не буду развивать эти темы, а также, какие альтернативы представляются более перспективными, скорее всего та и другая охватывает некоторое глубокое содержание, в самом процессе именования, но больше постараюсь отметить то, что связано с философией сознания.

Поскольку наше использование понятий должно учитывать не абстрактную природу наименований, как это в классической философии часто подавалось, а именно динамику коллективного внимания, которое выстраивается в процессе трансляции понятий, их обсуждения, аргументации, можно сказать, что в сознании исследователя, сообщества мыслящих на какую-то тему, понятие как бы интериоризируется, и каждый исследователь пытается встать над этой интериоризацией, образуя какую-то следующую петлю рефлексии. Все это еще в большей степени, запутывает некоторый, может быть, изначальный смысл, на который вряд ли можно кому-то из нас претендовать, смысл некоторых базовых понятий, в первую очередь понятия «сознание».

Я называю это «метапонятие», то есть такое фундаментальное понятие, которое требует специфической рефлексии. В этой связи очень важной задачей философии сознания оказывается описание имеющих интуиций о сознании. Эта работа уже идет, ею занимаются «экспериментальные философы», достаточно известное направление в России. А так же разработка концептуальных инструментов, которые бы способствовали анализу наших интуиций, базовых интуиций, которые опять же опираются на некоторые ментальные структуры и лингвистические структуры.

Наш коллега Сергей Михайлович Левин из Петербурга, в одной из своих последних статей, прошлогодней, доказывал, что необходимо критично рассмотреть интуицию субстантивации ментального. То есть интуиция о субстанциальной природе человеческого сознания. Он считает, что субстантивация сознания объединяет дуалистов с физикалистами и отделяет их от функционалистов, хотя и у функционалистов имеет место понимание сознания как некой субстанции, т. е. всех их объединяет, как бы базовая интуиция о субстанциальной природе сознания. Он же

пытается в своей статье доказать, что эта интуиция является определенным заблуждением, необходимо к ней отнестись критически и предлагает свой подход – идею коллективных сознаний. Не то, что это совсем оригинальная идея, она есть и у некоторых других авторов. Левин отмечает, что сама эта идея привлекательности у нынешних философов не имеет, поскольку ассоциируется зачастую с немецким идеализмом, поэтому требуют особых аргументов, он эти аргументы приводит, но они не являются абсолютно убедительными. Тем не менее, мне кажется, можно поддержать идею Левина и других исследователей о том, что десубстантивация представлений о сознании возможна, но при этом сознание нужно рассмотреть более внимательно, не только как некоторую вещь, но и как некоторый процесс. То есть к традиции использования понятия сознания только в форме имени существительном следует относиться с осторожностью.

Сама идея о том, что сознание, как особая субстанция не является единственным верным понятием, принадлежит Г. Райлу. Он в своих работах показывает некоторую «диспозициональную» концепцию сознания. В этом он близок к логическому бихевиоризму. Конечно не следует называть его отцом логического бихевиоризма, но, тем не менее позиции его близки с вышеобозначенным течением. Главное, мне кажется, несмотря на определенные несогласия с его позицией, в том, что он показывает важный поворот - это рассмотрение философского языка в логико-лингвистическом плане. Если мы посмотрим, даже не будучи специалистами-филологами, на то, что в своей основе, во всех индоевропейских языках ментальные явления выражаются с помощью существительных. Тут можно долгий ряд приводить русских существительных, английских существительных. Это еще раз подчеркивает неизбежность для этой группы языков субстативного представления о сознании.

Можно ли найти какую-то альтернативу такому представлению? Некоторые попытки я делал, тут только поверхность, постараюсь показать проделанную работу. Вот в китайской философии очень много интересных понятий, но особенность в том, что китайские иероглифические символы достаточно богаты, то есть в разных контекстах могут обозначать очень специфические, для русского, например, перевода, понятия. И вот, те понятия, которые я выписал из словаря Кобзева, более-менее могут в разных контекстах обозначать то, что мы по-русски называем «сознание», «душа», «дух», «мысль», «знание», но опять же, даже понятие «чжи», которое контекстуально ближе всего, неоднозначно понимаем, и все они опять же являются субстативными.

Хотя естественно, язык в речевом изложении, наш язык, не может обойти эту текучесть естественного мира. Он все равно сохраняет элементы континуальности. Но

только в живой речи, как правило, потом, когда мы начинаем аналитически расщеплять язык, то формализуя его, мы приходим к субстанциализации. В принципе именно поэтому возможен искусственный процесс альтернативной субстанциализации, процесс или прием процессуализации. В чем отличие этих двух приемов? Субстанциализация позволяет увидеть многообразие мира как многообразие качеств, присущих некоторой основе, субстанции. А процессуализация – видеть его как многообразие процессов, зафиксированных между деятелем и претерпевающим. Хотя здесь тоже достаточно сложная схема, поскольку процессуальная необходимо отмечать самого актора действия, то с чем он работает, но в нашем случае получается «сознание-сознаваемого-сознающим». Здесь опять же нет глаголов, потому что это попытка увидеть процесс, обозначая его более-менее привычными нам словами русского языка, и получается вот такое «масло масляное».

Андрей Вадимович Смирнов, нынешний директор института философии, много лет занимался арабской философией. Он предложил свою концепцию, с которой выступил на последнем философском конгрессе в Уфе и на прошлой неделе в МГУ. «Пропозиции и предикации» доклад его назывался. Он рассматривает именно субъект-предикатное конструирование как определяющий момент мышления. Считает, что формула «субъект + предикат» порождает не только особую логику мышления, а некоторую метафизику, то есть получается, существует некоторая базовая интуиция, исходя из особенностей наших языков индоевропейских корней. От нее мы уже пытаемся рефлексивно от интуиции, переходить к логике мышления. Отсюда происходит некоторая экспликация метафизического уровня, что мы не можем мыслить ментальные процессы иначе, как в субстантивном плане. Но данная формула самоочевидна только в пространстве индоевропейских языков. Арабский язык, которым как раз занимается Смирнов, демонстрирует альтернативную формулу связи субъекта и предиката, он назвал ее интуицией протекания, интуицией на процессы. Поэтому можно, наверное, попытаться рассмотреть наше понимание сознания в альтернативном плане, не только на субстантивном ключе, но и процессуальном.

Вот эти вехи, о которые я рассказал, отмечая, что существует некоторая базовая интуиция, потом на ее основе возрождается логика предикирования, а дальше уже определенные лингвистические аппликации, может рассматриваться на материале не западных культур, но пример такого скрупулёзного анализа является исследование самого Смирнова, например, арабского языка, арабской культуры. И, возможно, расширение языкового поля позволит нам понять сознание и соотношение с действительностью, наверное, более многообразно, чем сейчас, когда мы используем

преимущественно русский, английский и другой некий очерченный круг языков. Хотя, конечно сложно, во всяком случае, если говорить об аналитической философии, иногда переходить на какую-то иную форму «речемышления».

Язык приоткрывает эти сложности иногда, вот русский для примера если взять, что такое процесс в определенных понятиях? Это процесс в той картине мира, которая опять же, привязана в субстанциальной картине мира, оказывается вторичным в отношении вещи-субстанции. Вот как выстроить речевое поведение? Все-таки, здесь будут затруднения, вот Смирнов отмечает, что с трудом поддаются адекватному переводу и осмыслению многие понятия арабского языка. Ведь в терминах субстанциальной картины мира, процесс может быть рассмотрен как просто изменение веществ субстанции. Это некоторый вызов, наверное, поскольку вся теоретическая мысль, философская, в том числе европейская, теоретическая мысль древних греков, выстроена именно в этом русле.

Процессуальность ушла на второй план, но она не закрыта от нее, поэтому можно, как я уже говорил, попытаться использовать прием процессуализации, как некоторый искусственный, попытаться увидеть вещи процессуально, научиться применять логику соответствующую, но и научиться мыслить процессуально. Языковая культура, которая воспитала наше мышление, может выстраиваться, таким образом, вдоль альтернативных путей. Возможно, эти пути не единственные: не только субстанциально-ориентированный и процессуально-ориентированный, но и другие пути могут быть, хотя сложно представить какие. Но даже если выйдем за рамки хотя бы одного субстанциального и попытаемся мыслить процессуально о сознании, я думаю, это приведет к более перспективному пониманию философской проблемы сознания. На этом бы я завершил и ответил бы на ваши вопросы.

ВОПРОСЫ СЛУШАТЕЛЕЙ И ОТВЕТЫ ДОКЛАДЧИКА:

1. Спасибо большое за Ваш доклад! В начале доклада вы сказали о том, что описание интуиции о сознании присутствующих в нашем языке, это дело такого нового метода экспериментальной философии, какую роль вы возводите традиционному методу концептуального анализа и может ли здесь дать результаты кабинетная философия или ее ложный блеск давно уже пора развенчать и отдать приоритет экспериментальной.

Ответ: Никогда не стоит отвергать одно в пользу другого, скорее всего и кабинетная философия тоже называют экспериментальной философией, то есть исследование опирающие на социально-психологические опросы людей, студентов,

исследователей, людей не имеющих отношения к профессиональной философии о сознании, об их интуициях, они во многом могут пополнять друг друга, а кабинетная философия обычно будет использовать полевые материалы и строить свои изоциранные системы аргументации.

То есть самостоятельна она результаты не производит? Она берет материал из экспериментальной философии и анализирует ее?

Я всегда вступал за связь теории с практикой, хотя можно и сказать, что кабинетная философия во многом практична, она вполне достойна внимания, изучению, исследованию.

2. Правильно ли я понимаю, что итогом ваших размышлений становится следующее представление о сознании: нашу интуицию сознаний они на самом деле они протекают в форме языка, языковых выражений и в этом смысле сознание, как некий самостоятельный, онтологический факт. На самом деле не существует, то есть мы так мыслим, так представляем сознание, как мы умеем говорить и не получается ли тогда, что различные языковые инструменты всякий раз отсылают к некому новому феномену или новому объекту, и получается, что никакого объекта, подлинного сознания на самом деле не существует? Сознание есть некий результат эффективных языковых практик.

Ответ: Ну, если эту позицию обострить, то можно и так сказать. Хотя, конечно же, сознание имеет определенную патологическую природу, но мы обращаем внимание, как я сказал уже, лишь на часть правды, на часть истины. Сознание некоторый феномен, который обладает своими свойствами, которые можно описывать с точки зрения качеств. Качеств, которые происходят в нем и называть его именами существительными, то есть легитимно-пародийным, но при этом как-то уходит на второй план понимание, сознание, как процесс, с процессуальной стороны. Вот для меня рабочее определение сознания **это психологический процесс моделирования реальности, который опирается на определенные биологические субстраты.** Но это самое примитивное и требующее аргументации и критики, как и любое другое определение. Поэтому, мне кажется, что сознание очень сложный феномен, имеющий свою биологическую природу и естественно тот признак, который берем, те очки аналитические, которые мы используем, они конечно эту дробность во многом определяют, но это впрочем, относится к любому явлению нашего мира. Это опять же квантовая теория будет также говорить. Методологические средства во многом влияют на ход исследования, но при этом сам объект не исчезает, не превращается в нечто пустое.